

**ЛЮБОВЬ КАК ОБРЕТЕНИЕ ЦЕЛЬНОСТИ ДУШИ И ЧУВСТВА
В РОМАНЕ «ДУШЕВНЫЕ СМУТЫ ВОСПИТАННИКА ТЁРЛЕСА»
LOVE AS GAINING OF THE INTEGRITY OF THE SOUL AND SENSE
IN THE NOVEL «THE CONFUSIONS OF YOUNG TORLESS»**

Аннотация: Концепт «любовь» не является специфически австрийским, но становится значимым в контексте идеи распада, утраты гармонии и цельности мира. В романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» концепт связан с двумя видами любви – телесной и духовной. Два вида любви являются частью целого, отражают идею абсолютного единения противоположного.

Ключевые слова: концепт «любовь»; цельность души и чувства; утопия; чувственность; духовное и телесное.

Abstract: The concept «love» is not specifically Austrian, but becomes significant in the context of the idea of decay, loss of harmony and wholeness of the world. In the novel «» the concept is related to two kinds of love – bodily and spiritual. Two kinds of love are the part of the whole, reflect the idea of absolute unity of the opposite.

Keywords: the concept «love»; wholeness of soul and feeling; utopia; sensuality; bodily and spiritual.

Австрийская литература XX века актуализирует вопросы кризиса, переходного состояния, утраты, поиска и обретения цельности мироощущения. Один за другим писатели изображают и констатируют распад личности как следствие кризиса эпохи, краха мироустройства и гибели монархии (А. Шницлер, Г. Брех, Т. Манн, Л. Франк, Г. Бар и др.). «Для большинства писателей межвоенного двадцатилетия распад монархии – если не трагедия, не утрата, то всемирно исторический рубеж», – констатирует Д. В. Затонский [1, с. 309]. И хотя идея распадающегося мира имеет фактическое временное соотношение с крахом австрийской империи (1918), «скрытый распад» [1, с. 64] и острое ощущение всеобщего разъединения рождаются много раньше. Уже на рубеже веков литература начинает искать пути преодоления дисгармонии и амбивалентности мира, одним из которых становится любовь.

В раннем творчестве Музиля она связана с идеей обретения абстрактной цельности души и чувства. Являясь противоречивым вопросом, предметом поиска для героев Музиля, любовь составляет дискуссионную проблему и для самого автора. В разной степени к любви Музиль обращается на протяжении всего творчества, и каждый раз любовь – предмет размышлений героя, каждый раз

любовь заключает в себе оппозицию, составляет внутренний конфликт персонажа. Болезненность любви, её безнравственное проявление изображено в романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса». В диптихе «Соединения» любовь – чувство особого единения каждой героини с возлюбленным в ситуации расставания. «Мука любви двух неродственных натур, тяжкое испытание души» [2, с. 174] лежит в основе цикла «Три женщины». Любовь как душевное состояние, как утопический проект – один из основных предметов поиска в романе «Человек без свойств» [6, с. 185].

Неоднозначность позиции автора стала причиной научных дискуссий. Любовь обсуждается исследователями с точки зрения фрейдизма [8, 9], как позитивная утопия нерационального состояния, апология идеи единения разделённого [11, 5, 6]. Обе точки зрения получают обоснование в романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» и соотносятся с двумя аспектами концепта: 1) телесная любовь, любовь-страсть и 2) духовная чувственность.

Первый аспект связан с болезненными формами проявления чувства, чаще физического влечения к объекту, который определяется героем как запретный. Тему «неправильности» любви развивают в австрийской литературе XX века Г. Тракль, Т. Манн, Ф. Верфель. Ситуации искушения, измены, инцеста, неравных по возрасту отношений, гомоэротической связи вызывают прямые ассоциации с З. Фрейдом. Влюблённость как трепетное чувство – традиционный аспект жанра воспитания. В романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» он осмысливается иначе. Помимо того что любовь сама по себе в романе воспитания – повод для неуверенности героя, в «Душевных смутах...» персонажи попадают в ситуации, которые их дискредитируют. С самого начала сомнительно положение героя в любви. Она познается через унижение. Один из подростков, пойманный на воровстве, – Базини – подвергается наказанию сексуального характера со стороны одноклассников Байнеберга и Райтинга, для которых влюблённость как романтическое чувство не имеет ценности. Любовь становится способом достижения личных целей каждого героя: неудержимого стремления к власти, физического удовлетворения, игры ради смеха, позора, надругательства: «– Он влюблен? – Нисколько. Не такой он дурак. Это его развлекает, в крайнем случае, возбуждает» [10, с. 57]. Для приспособленца Базини возможность угодить, быть ласковым и послушным значит обеспечить себе безопасное существование («Ты не такой грубый, как они... ты нежный, я люблю тебя! О, это для меня удовольствие, услужить тебе» [10, с. 113]).

Другой пример болезненного проявления любви – связь подростков с проституткой. Во-первых, проверка искушением становится для героев Музиля необходимым шагом к утопии. Тёрлес ощущал потребность в тайных встречах с Боженой как необходимость, как культ самопожертвования ради абсолютного воссоединения. Во-вторых, тоска по дому, чувственность, физическое влечение ставят героя в ситуацию, когда желание проецируется на собственную мать. Чувство приобретает «животные», грубые характеристики: «Тёрлес пожирал глазами Божену и при этом не мог забыть свою мать» [3, с. 35]. Поскольку любовь вписана в этический круг вопросов, она ассоциируется с определёнными моделями поведения. А в аспекте физического проявления любви эти модели

становятся противоположными: «Если бы он мог любить в то время, он кусал бы её, усиливая вожделение до такой степени, что они бы мучились» [10, с. 32]. Вожделение, похоть, страсть, чувственность – самые частые определения состояния.

С одной стороны, любовь как высокое чувство дискредитировано, на первом плане остаётся физиологическая составляющая. С другой – духовное проявление любви, любовь не только как физическое влечение – один из главных предметов осмысления и поиска в романе, она «...не является способом разрешения противоречий, а сама составляет дискуссионную проблему» [6, с. 185]. На протяжении всего творчества Р. Музиля мы сталкиваемся с тем, что автор называет пограничными переживаниями, теми неуловимыми состояниями на границе между рациональным и иррациональным, между чувственным и сверхчувственным, переживаниями, которые рожают сексуальную ярость или приводят к невыразимому союзу, к состоянию, которое Музиль называет «другим». Чувственность, которая направлена на родственный объект (мать) или на объект того же пола (Базини), переосмыляется Тёрлесом как энергия, направленная на познание самого себя. Первый опыт Тёрлеса в романтическом чувстве происходит косвенно, через изображение переживаний героев своих рассказов, но даже вне зависимости от того, что это не личный опыт героя, любовь ассоциируется с понятными эмоциональными и физиологическими проявлениями: учащённое сердцебиение, волнение, румянец на щеках и т. д. Когда герой подобное состояние переживает самостоятельно, он начинает искать их причину. Уже линия Тёрлес–Божена определяет сложность соединения духовного и телесного: «Новое, дивно-беспокойное чувство, <...> входящее в вожделение, тайная, нецеленаправленная, ни к чему не относящаяся, меланхолическая чувственность созревания» [3, с. 116]. Дальше этот аспект углубляется в отношениях с Базини. Вопреки тому что Базини с позиции морали Тёрлесу неприятен: он крадёт деньги у одноклассников, лжёт, терпит унижения, – и даже несмотря на то, что Базини того же пола, впервые возникают попытки Тёрлеса приблизиться к утопии любви: «...все это было уже неразлично, соединилось в одном-единственном, неясном, нерасчлененном чувстве, которое он в первом изумлении вполне мог принять за любовь» [3, с. 117], которая, по Музилю, не знает разделения между мужским и женским – «...любовь без полового начала, освобожденная от противоборства социальных и сексуальных неприятностей» [4, с. 841].

Не раз в потоке размышлений героя о любви он приходит к мысли об одиночестве. Любовь – это «...сидеть ночью у открытого окна и чувствовать себя всеми покинутым» [3, с. 35], а быть вдвоём значит «...быть в удвоенном одиночестве» [3, с. 32]. Духовный союз, который представляет единение противоположного в такой степени, что даже определяется героем как одиночество и покинутость всеми, приобретает черты себялюбия, при котором нет разделения мужского и женского, одно становится частью другого – «...утопическое единство вне тождества» [5], слияние души и чувства в одно целое.

Опыт любви приходит к герою с физической потребностью. Так Тёрлес определяет разницу любви и страсти: «Не следует верить, что Базини вызвал

в Тёрлесе истинное желание. Правда, в Тёрлесе пробудилось что-то вроде страсти, но любовь, несомненно, была для него лишь случайным, попутным именем» [10, s. 115]. Большинство определений любви, которые встречаются в романе, принадлежат Тёрлесу. Но даже с точки зрения одного героя они по-разному воспринимаются. Специфика концепта – это осмысление любви взрослеющим человеком. То, с чем Тёрлес постоянно сталкивается, – непонимание переживаемого им чувства, неумение распознать его среди множества состояний. В связи с этим в романе регулярно возникает языковая проблема – поиск слова, выражающего чувство, которое испытывает герой. Часто в речи и мысли «любовь» возникает через отрицание, сравнение, уточнение или вопрос: «Что они чувствовали при этом? Любовь? Нет, эта мысль пришла ему сейчас впервые. Вообще, это было *что-то совсем другое*» [10, s. 36]. «Первая страсть взрослого человека – это не *любовь* к одному, а *ненависть* ко всем» [10, s. 32]. Хотя проблема имени не формулируется чётко самим героем, она становится заметной с позиции повествователя. И даже для самого Тёрлеса «любовь» как один из вариантов определения постоянно подвергается сомнению.

Любовь в романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» – это не только возможность, но и необходимость слияния, чтобы преодолеть разрыв телесного и духовного. Для Тёрлеса «болезненность» любви, её антиморальное проявление не составляют противоречия в итоге, наоборот, обозначают абсолютное единение и цельность. В романе изображены два типа любви: духовный союз и любовь как физическое влечение, которое, с одной стороны, противопоставлено светлой юношеской влюблённости (Райтинг–Базини), с другой – становится частью гармонии. И в том, и в другом аспекте любовь – объект размышлений героя. Две стороны одного предмета организуют весь текст, и первый тип любви составляет часть второго.

Библиографический список

1. Затонский, Д. В. Австрийская литература в XX столетии / Д. В. Затонский. – М. : Художественная литература, 1985. – 444 с.
2. Карельский, А. В. Утопии Роберта Музиля / А. В. Карельский // Метаморфозы Орфея: беседы по истории западных литератур. – М. : РГГУ, 1999. – Вып. 2. – 303 с.
3. Музиль, Р. Душевные смуты воспитанника Тёрлеса / Р. Музиль // Малая проза : в 2 т. ; пер. А. Карельского. – М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 1999. – Т. 1. – С. 5–186.
4. Музиль, Р. Человек без свойств: роман / Р. Музиль ; пер. с нем. С. Апта. – М. : Иностранка : Азбука-Аттикус, 2015. – 1088 с.
5. Павлова, Н. С. Уроки Музиля. Поэтика романа «Человек без свойств» / Н. С. Павлова // Вопросы литературы. – 2000. – № 5. – <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/5/pavlova.html> (дата обращения: 25.04.2020).
6. Сейбель, Н. Э. Австрийская параллель: А. Штифтер, Г. Брех, Р. Музиль : монография / Н. Э. Сейбель. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2005. – 290 с.

7. Corino, K. Ödipus oder Orest? Robert Musil und Psychoanalyse / K. Corino // Robert Musil. Vom «Törles» zum «Mann ohne Eigenschaften» ; Hrsg. von U. Bauer und D. Goltschnigg. – München ; Salzburg : FinkV, 1973. – S. 123–135.
8. Kaiser, E., Wilkins E. Robert Musil: Eine Einführung in das Werk / E. Kaiser, E. Wilkins. – Stuttgart : Klett, 1962. – 367 s.
9. Kroemer, R. Ein endloser Knoten? Robert Musils Verwirrungen des Zöglings Törles im Spiegel soziologischer, psychoanalytischer und philosophischer Diskurse / R. Kroemer. – München : Wilhelm Fink Verlag, 2004. – 353 c.
10. Musil, R. Die Verwirrungen des Zöglings Törless / R. Musil. – Hamburg : Rowohlt, 1992. – 159 s.
11. Schneider, R. Die problematisierte Wirklichkeit: Leben und Werk Robert Musils. Versuch einer Interpretation / R. Schneider. – Berlin : V. Volk und Welt, 1975. – 176 s.